

Репрессии против верующих накануне и во время Великой Отечественной войны 1939—1945 гг.

Олег Будницкий

Repressions against Believers on the Eve and during the Great Patriotic War, 1939—1945

Oleg Budnitskii

(National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870005107-8

По словам Стивена Ловелла, война обычно рассматривается историками в качестве «катастрофической интерлюдии между двумя фазами сталинизма: турбулентной и кровавой эрой 1930-х годов и глубокими заморозками поздних 1940-х... Невоенные историки (*nonmilitary historians*) не знают толком, что делать с периодом войны»¹. В полной мере это относится к репрессивной политике военного времени. В 1941—1945 гг., включая предвоенные и послевоенные месяцы, судами общей юрисдикции, военными трибуналам и разного рода специальными судами были осуждены свыше 16 млн человек (не считая осуждённых Особым совещанием НКВД)². Это превосходит любой сопоставимый по времени период в истории советского государства. Однако эти репрессии исследованы довольно фрагментарно³.

В частности, недостаточно изучено преследование «служителей культа» и «простых» верующих накануне и в годы войны (особенно на начальном её этапе). В литературе, посвящённой отношению советских властей к религиозным институциям (прежде всего к Русской Православной Церкви) в 1940-е гг., преобладают исследования об изменениях в политике власти,

© 2019 г. О.В. Будницкий

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5—100».

¹ Lovell S. *The Shadow of War: Russia and the USSR, 1941 to the present*. Chichester, 2010. P. 4.

² История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7-ми томах. Т. 1 / Отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко. Отв. сост. И.А. Зюзина. М., 2004. С. 620.

³ Parrish M. *The Lesser Terror: Soviet State Security, 1939—1953*. Westport, 1996. P. 69—146; Папков С.А. «Контрреволюционная преступность» и особенности её подавления в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) // Урал и Сибирь в сталинской политике / Отв. ред. С. Папков, К. Тэраяма. Новосибирск, 2002. С. 205—223; Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012. С. 280—330; Тепляков А. Управление НКВД по Новосибирской области накануне и в начальный период Великой Отечественной войны // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.) / Отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск, 2004. С. 260—290; Степанов М.Г. Сталинские репрессии в Хакасии в конце 1930-х — начале 1950-х гг. Абакан, 2006; Степанов М.Г. Уголовное преследование граждан СССР по политическим мотивам в предвоенный и военный периоды (1939—1945 гг.): обзор постсоветской сибирской историографии // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 2(10). С. 46—53; и др. В известной монографии П. Соломона «Советская юстиция при Сталине» (*Solomon P.H., Jr. Soviet Criminal Justice under Stalin*. Cambridge, 1996) период войны специально не рассматривается.

нежели о её преемственности. Это вполне объяснимо, но нередко приводит к искажению реальной картины.

Формально верующих преследовали не за исполнение обрядов или религиозные проповеди, а за «контрреволюцию». Так, проверявший работу Чкаловского областного суда по делам о контрреволюционных преступлениях представитель НКЮ СССР обратил внимание на дело грузчика ИТК-3 в Орске Емельяна Дегтярёва, 14 сентября 1941 г. приговорённого к расстрелу за «антисоветскую агитацию». Ему вменялось в вину то, что он «15 июня 1941 года восхвалял религию и духовенство», «проводил антисоветскую агитацию религиозного характера, восхвалял царский строй и религию, призывая заключённых встать на защиту религии». «Нет нужды доказывать, — заключал проверяющий, — что такая недопустимо небрежная формулировка, из которой можно сделать вывод, что Советское государство, якобы, преследует религию, является политически вредной»⁴. Между тем советское государство занималось именно этим.

Дела против верующих квалифицировались, как правило, по ст. 58-10 Уголовного кодекса (УК) РСФСР (пропаганда или агитация, содержащие призывы к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений) и соответствующих статей УК союзных республик, иногда по ст. 58-14 (контрреволюционный саботаж, т.е. «сознательное неисполнение кем-либо определённых обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата»). Статья 58-10 была наиболее «популярной» из «контрреволюционных» статей. Её первая часть в мирное время предполагала наказание в виде заключения на срок не менее 6 месяцев. Согласно части второй, те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, а также в военной обстановке или в местностях, объявленных на военном положении, влекли за собой применение «высшей меры социальной защиты» — расстрела. Статья 58-14 предусматривала лишение свободы на срок не менее одного года, а при особо отягчающих обстоятельствах — расстрел.

Основным «поставщиком» дел священнослужителей и верующих являлся НКВД. «Церковники и сектанты» состояли на учёте в НКВД наряду с «участниками антисоветской деятельности бывших политпартий, организаций и групп, троцкистско-бухаринской агентурой иноразведок; эсерами всех оттенков; меньшевиками; анархистами; участниками антисоветской деятельности буржуазно-националистических партий, организаций и групп; бывшими офицерами, жандармами, полицейскими, политбандитами и др.; бывшими кулаками, помещиками, торговцами, фабрикантами и т.п.». В статистических материалах наркомата соответствующая графа именовалась «по окраскам учёта»⁵. Лексика после начала войны несколько не изменилась. Не изменились и первоочередные объекты репрессий.

Русская Православная Церковь (РПЦ), крупнейшее религиозное объединение на территории СССР, в 1930 г. насчитывала 163 архиерея и около 30 тыс. приходов. К 1941 г. число действующих храмов сократилось до 3 732, причём 3 350 из них находились на территориях, вошедших в состав СССР

⁴ ГА РФ, ф. Р-9492, оп. 1а, д. 138, л. 279—280.

⁵ *Мозохин О.Б.* Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. М., 2011. С. 485.

в 1939—1940 г. К 1941 г., по разным оценкам, репрессиям подверглись от 50 до 140 тыс. священнослужителей, всего же «репрессированных за веру» было около 350 тыс. человек⁶. В РСФСР в 25 областях не имелось ни одного прихода, в 20 — их сохранилось не более пяти. На Украине в шести областях закрылись все православные церкви, ещё в трёх действовало по одному храму. В Киевской епархии в 1940 г. оставалось два прихода с тремя священниками. Для сравнения: в 1917 г. в 1 710 церквях епархии служили 1 435 священников⁷. В 1939 г. из архиереев на своих кафедрах находились патриарший местоблюститель митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский) и митрополит Ленинградский Алексей (Симанский), архиепископы — Петергофский Николай (Ярушевич) и Дмитровский Сергей (Воскресенский), управляющий делами Московской патриархии. Двух последних НКВД считал своими агентами⁸. По словам О.Ю. Васильевой и иерея И. Соловьёва, «положение самого митрополита Сергея (Страгородского)... напоминало марионеточное управление»⁹. Церковь не являлась «юридическим лицом», не имела собственного счёта в банке, издательства, не располагала прямыми каналами для взаимодействия с властью. Положение других конфессий и разного рода религиозных групп было не лучше¹⁰.

В конце 1939 — 1940 г. православные иерархи неожиданно оказались востребованы властью в связи с присоединением Западной Белоруссии и Западной Украины, а затем прибалтийских республик, Бессарабии и Северной Буковины. В этих регионах немедленная ликвидация 3 350 православных храмов признавалась политически нецелесообразной. Власть предпочла распространить на их священнослужителей «марионеточную по существу юрисдикцию в условиях нового для них общественного строя»¹¹. Выполнять решение Сталина, принятое по инициативному НКВД представлению Московской патриархии, поручили архиепископам Николаю (Ярушевичу) и Сергию (Воскресенскому). Архиепископ Николай, возведённый в сан митрополита Волынского и Луцкого (затем — Киевского), возглавил учреждённый 28 октября 1940 г. по указу патриаршего местоблюстителя Западный экзархат, включавший западноукраинские и западнобелорусские епархии. Архиепископ Сергей (Воскресенский) прибыл в конце 1940 г. в Ригу, в начале 1941 г. стал митрополитом Виленским и Литовским и возглавил созданный 14 марта Прибалтийский экзархат. В декабре 1940 г. временное управление Кишинёвской епархией было возложено на епископа Тульского Алексия (Сергеева)¹².

⁶ Цыпин В.А., *прот.* История Русской Церкви (1917—1997). М., 1997. С. 247—262; Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX в. М., 2010. С. 126—127.

⁷ Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917—1953 гг. М., 2014. С. 224—225; Цыпин В.А., *прот.* История Русской Церкви...

⁸ Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в 1927—1943 гг. // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 41; Цыпин В.А., *прот.* История Русской Церкви...; Курляндский И.А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922—1953 гг.). М., 2011. С. 540—543.

⁹ Васильева О.Ю., Соловьёв И., *свящ.* Предисловие // Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сборник документов / Сост. О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. М., 2009. С. 8.

¹⁰ Одинцов М., Кочетова А. Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 2014. С. 19—26.

¹¹ Васильева О.Ю., Соловьёв И., *свящ.* Предисловие. С. 8.

¹² Галкин А.К. Указы и определения Московской Патриархии об архиереях с начала Великой Отечественной войны до Собора 1943 г. // Вестник церковной истории. 2008. № 2. С. 58.

Это дало Церкви отсрочку, однако не изменило конечных целей советского государства, стремившегося к ликвидации религиозных институций. Закрытие храмов и аресты священников продолжались, хотя и не с прежней интенсивностью. К примеру, в 1939—1940 гг. в Пермской (с 1940 г. — Молотовской) обл. были закрыты 139 православных молитвенных зданий, а в первой половине 1941 г. — ещё 32 церкви и 5 часовен, включая единственный ещё действовавший в Молотове храм. Последнее предвоенное решение о закрытии церковью Молотовский облисполком принял 20 июня 1941 г. В области осталось, по разным оценкам, от 6 до 11 храмов¹³. Всего на «старых» советских территориях накануне войны исследователи насчитывают от 100 до 350—400 действующих православных храмов¹⁴. В любом случае число их было ничтожным.

Власти по сути загнали последователей всех конфессий в подполье: любое молитвенное собрание могло квалифицироваться как «контрреволюционное сборище», а группа верующих представлена антисоветской организацией. В этом случае к ст. 58-10 добавлялась ст. 58-11: «Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению... контрреволюционных преступлений, приравнивается к совершению таковых и преследуется уголовным кодексом по соответствующим статьям». Это становилось отягчающим обстоятельством и, учитывая «использование религиозных пережитков», могло подвести под расстрел. При этом любая критика существующих в СССР порядков интерпретировалась как враждебная агитация, которая и объявлялась главной целью «организации», к чему иногда добавлялись — в зависимости от усердия следователей и их способности выбить нужные показания — террористические намерения или подготовка вооружённого восстания.

Согласно статистике НКВД, в 1939 г. были арестованы 987 «церковников и сектантов», в том числе 414 «служителей культа»¹⁵. По мнению М.В. Шкаровского, на уменьшение числа арестов в десятки раз по сравнению с 1937—1938 гг. повлияло «улучшение государственно-церковных отношений»¹⁶. Но от Церкви тут зависело очень мало, если вообще что-либо зависело; повлиять на решения властей она просто не имела возможности. Резкое сокращение репрессий против священнослужителей и мирян (речь идёт об абсолютных цифрах: их доля среди всех арестованных по сравнению с 1938 г. осталась практически неизменной — чуть более 2%) объяснялось прежде всего «феноменом 1939 года». Большой террор был остановлен, как и начат, практически одномоментно. 17 ноября 1938 г. появилось постановление ЦК и СНК «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», после чего началась интенсивная чистка НКВД от «ежовцев», на которых возложили ответственность за «перегибы»¹⁷. В рамках «бериевской оттепели» в 1939 г. вышли на свободу около 110 тыс., а лишились её 44 731 человек (в 15 раз меньше, чем в предыдущем году), причём

¹³ Федотова И.Ю. Государственная политика по закрытию и открытию церковью в годы Великой Отечественной войны (на материалах Молотовской области) (URL: <https://www.permgaspi.ru/publikatsii/stati/gosudarstvennaya-politika-po-zakrytiyu-i-otkrytiyu-tserkvej-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojnj.html>).

¹⁴ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь... С. 143—144.

¹⁵ Мозохин О.Б. Право на репрессии... С. 470—471.

¹⁶ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь... С. 426.

¹⁷ Viola L. Stalinist Perpetrators on Trial: Scenes from the Great Terror in Soviet Ukraine. Oxford, 2017; Чекисты на скамье подсудимых. Сборник статей / Сост. М. Юнге, Л. Виола, Дж. Росман. М., 2017.

65,6% всех арестов были произведены в западных областях Украины и Белоруссии, но и там пострадал «всего лишь» 51 «служитель культа»¹⁸.

Преследование священников в присоединённых в 1940 г. прибалтийских республиках также носило «точечный» характер: НКВД интересовали участники Белого движения и причастные, хотя бы и в прошлом, к какой-либо политической деятельности. Так, в Эстонии и Латвии в 1940—1941 гг. арестовали по 16 православных клириков или причастных к церковной деятельности (почти все они были расстреляны, погибли при невыясненных обстоятельствах или умерли в заключении)¹⁹. Показательно дело епископа Иоанна (Булина), задержанного 18 октября 1940 г. в Петсери (Эстония), где он жил у родных как частное лицо. В 1932 г. епископ, отстаивавший интересы русских прихожан и вступивший в конфликт с руководством Эстонской Апостольской Православной Церкви, был удалён с Печерской кафедры и запрещён в служении. После ареста его поместили в таллинскую тюрьму, затем перевезли в Ленинград, обвинив в том, что он «в проповедях с амвона выступал против советского правительства и коммунистической партии», а также состоял «председателем комиссии для собирания материалов по биографиям погибших при советской власти в России русских архипастырей, пастырей и церковных деятелей с целью издания их потом в печати». 18 апреля 1941 г. он был приговорён Ленинградским областным судом к смертной казни и 30 июля расстрелян. Патриарший местоблюститель признал Иоанна епископом Печерским и 13 декабря 1940 г. предложил главе Эстонской Апостольской Православной Церкви митрополиту Александру (Паулусу) определить ему место дальнейшего архиерейского служения, не ведая, что Иоанн уже почти два месяца находится в тюрьме²⁰.

Таким образом, львиная доля «церковников и сектантов» в 1939—1940 гг. была арестована в пределах «старых» границ СССР. Они по-прежнему оставались одной из главных мишеней НКВД. В инструкции заместителя наркома внутренних дел УССР А.З. Кобулова начальнику УНКВД новообразованной Сумской обл. 3 июля 1939 г. предписывалось: «Срочно приступить к выявлению на территории области сектантских групп: иеговистов, адвентистов, евангельских христиан, баптистов, церковников ИПЦ, старообрядцев, тихоновцев и еврейских клерикальных организаций. Взять в активную разработку руководящий состав религиозных обществ — попов, дьяконов, архимандритов, раввинов, проповедников сект, мобилизовав внимание агентуры на выявление их связей и практической антисоветской деятельности»²¹. Разумеется, это делалось не по личной инициативе Кобулова.

¹⁸ Горланов О.А., Рогинский А.Б. Об арестах в западных областях Белоруссии и Украины в 1939—1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 98, 101.

¹⁹ Петров И.В. Репрессии против балтийского православного духовенства в 1940 — начале 1941 года // Общество. Среда. Развитие (Тегга Humana). 2013. № 4(29). С. 57—61; Петров И.В. Идеологические и национальные аспекты деятельности православного духовенства Балтии и Северо-Запада России (1940—1945 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. С. 119—135; Гаврилин А.В. Отношение советской власти к Латвийской Православной Церкви в 1940—1941 гг. // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 5(54). С. 46.

²⁰ Клементьев А.К., Шор Т. Иоанн // Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2010. С. 382—385; Клементьев А.К. Материалы к жизнеописанию епископа Печерского Иоанна (Булина) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 1(25). С. 155—294, об аресте, следствии и казни с. 255—268.

²¹ Щелкунов А.А. Трансформация карательной политики советского государства против Православной Церкви в 1939—1941 гг. // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2017. Вып. 76. С. 84—85.

В 1940 г. число арестов «церковников и сектантов» возросло по сравнению с 1939 г. более чем в два раза (2 231 человек, включая 910 «служителей культа») ²². Статистика, очевидно, неполна, но позволяет проследить динамику репрессий. По словам прот. В.А. Цыпина, «в последние предвоенные месяцы давление на Русскую Православную Церковь ослабло, волна репрессий утихла», поскольку после разгрома Польши «потенциальный противник вышел на границы нашего государства» и «над страной нависла грозная военная опасность, которая побуждала к единению, к преодолению вражды и ненависти». Статистика арестов свидетельствует об обратном: действия НКВД—НКГБ, отвечавших за «взаимодействие» с религиозными институтами в условиях нарастания военной угрозы были прямо противоположными и вполне предсказуемыми — расширение и ужесточение преследований. В первом полугодии 1941 г. были арестованы 1 618 «церковников и сектантов» ²³. Власть по-прежнему видела в «служителях культа» и верующих любых конфессий и религиозных групп ненадёжные и враждебные элементы. Надо сказать, она приложила немало усилий, особенно в 1930-е гг., чтобы превратить их в таковые ²⁴. Репрессивные органы относили священнослужителей и верующих любых конфессий к противникам советской власти и никогда не прекращали борьбу с ними: менялись только её масштабы и степень жестокости ²⁵. Оценки численности пострадавших «за веру» существенно разнятся ²⁶.

Исследователи репрессий обращаются преимущественно к следственным делам и довольно редко — к судебным материалам. Между тем основным «инструментом» репрессий в предвоенный период были суды общей подсудности. В значительной степени они сохраняли эту роль и в первые полтора года войны. Всего по делам о «контрреволюционных преступлениях» судами всех видов в 1941—1945 гг. были осуждены 640 629 человек. Из них 108 024 были осуждены верховными судами союзных и автономных республик, краевыми и областными судами. К ним следует прибавить 28 326 человек, осуждённых лагерными судами, лагерными отделениями и постоянными сессиями верховных судов союзных и автономных республик, краевых и областных судов. Львиная доля подобных дел, рассмотренных судами общей подсудности, приходится на 1941—1942 гг., когда ими были осуждены 72 694, а с учётом постоянных сессий «гражданских» судов в лагерях — почти 90 тыс. человек. Наибольшая часть дел «контрреволюционеров» в 1941—1945 гг. была рассмотрена военными трибуналами, осудившими 471 988 человек. Однако во второй половине 1941 г.,

²² Мозохин О.Б. Право на репрессии... С. 477—478. По религиозным мотивам было арестовано даже несколько больше. Так, участники еврейских организаций характеризовались как «сионисты, клерикалы».

²³ Мозохин О.Б. Право на репрессии... С. 485; Цыпин В.А., прот. История Русской Церкви...

²⁴ Беглов А.Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008. С. 13.

²⁵ Подробнее см.: Осипова И.И. «В язвах своих сокрой меня». Гонения на Католическую Церковь в СССР. По материалам следственных дел. М., 1996; Осипова И.И. «Сквозь огонь мучений и воду слёз». Гонения на Истинно-Православную Церковь в СССР. По материалам следственных и лагерных дел. М., 1998; Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь... С. 118—128, Тепляков А. Управление НКВД по Новосибирской области... С. 282—283.

²⁶ Сомин Н.В. К вопросу о числе репрессированных за православную веру в России в XX в. // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 3(64). С. 101—110. По данным, приведённым А.Н. Яковлевым, возглавлявшим правительственную Комиссию по реабилитации жертв политических репрессий, в 1939 г. были арестованы 1 500 церковников, из них расстреляны 900, в 1940 г. — 5 100 и 1 100, в 1941 г. — 4 000 и 1 900 (Яковлев А.Н. По мошам и елей. М., 1995. С. 94—95).

когда в условиях военного времени резко возросла численность и расширилась компетенция военных трибуналов, судами общей подсудности было всё ещё рассмотрено наибольшее число дел о контрреволюционных преступлениях²⁷.

Материалы военных трибуналов в основном остаются недоступными для исследователей, тогда как архивы Наркоматов юстиции СССР и РСФСР, Верховного суда (ВС) СССР неплохо сохранились и в значительной своей части открыты. Статистика репрессий против верующих в судебной системе не велась. Во всяком случае, обнаружить её не удалось. Однако надзорные дела ВС СССР, отражающие ситуацию по всей стране и касавшиеся представителей различных конфессий, содержат сведения об окончательном решении судьбы осуждённых, включая историю прохождения жалоб или прошений о помиловании²⁸. «Техническая» сложность работы с ними заключается в необходимости просматривать дела с обвинениями по ст. 58-10 и 58-14 *de visu*. Разумеется, материалы надзорного производства — выборка, но она достаточно репрезентативна для понимания особенностей карательной политики в отношении верующих в военный период.

Смертные приговоры религиозным активистам выносились в первой половине 1941 г. едва ли не чаще, чем любым другим «контрреволюционерам». Порою решения, принятые весной 1941 г., утверждались уже после начала войны. Приведу несколько характерных дел, приговоры по которым были вынесены весной 1941 г., однако утверждены уже после начала войны. Трофим Кармальский 23 марта 1941 г. был приговорён к расстрелу ВС Татарской АССР за то, что, «являясь членом религиозной секты старообрядцев и будучи враждебно настроенным к существующему советскому строю, систематически среди населения, используя религиозные предрассудки верующих, вёл контрреволюционную агитацию по адресу сов[етской] власти и ВКП(б), занимался вербовкой новых лиц в антисоветскую сектантскую организацию». Среди прочего ему вменялось в вину распространение «провокационных слухов о войне». Расстрелян он был 24 июля, через месяц после того, как война на самом деле началась²⁹.

Павел Куркин-Курка 9 мая 1941 г. был приговорён Орловским облсудом к расстрелу за то, что «на протяжении ряда лет вёл к.р. агитацию, используя при этом религиозные предрассудки масс». Казнён 30 июля 1941 г.³⁰ Тот же суд 20 апреля 1941 г. приговорил к высшей мере наказания Григория Подымова, признав его виновным в том, что, «состоя ряд лет в группе сектантов (евангелистов)», он под видом религиозных обрядов «систематически и организованно проводил контрреволюционные сборища». 2 августа 1941 г. его расстреляли³¹.

Верховным судом Туркменской ССР 16 мая 1941 г. были приговорены к расстрелу Мулла Курамбаев, Юсуп Метчан, Мулла Оразметов, Матгафур Абдурахманов, Абдурахман Бабаниязов. Они якобы «под видом отправления религиозных обрядов неоднократно созывали нелегальные сборища, где обсуж-

²⁷ История сталинского ГУлага... Т. 1. С. 621.

²⁸ В самую полную на сегодняшний день базу данных по жертвам политических репрессий, включающую более 3 млн человек, нередко попадают данные только по первому делу репрессированного (в частности, если они взяты из регионального книг памяти). О случаях повторного осуждения лагерным судом при этом зачастую не упоминается.

²⁹ ГА РФ, ф. Р-9474, оп. 23, д. 2094, л. 2.

³⁰ Там же, д. 1880, л. 1, 6.

³¹ Там же, д. 1907, л. 1, 2.

дались вопросы вооружённого выступления против советской власти». 9 июля приговор был утверждён председателем ВС СССР³².

10 мая 1941 г. Вологодским облсудом был осуждён по ст. 58-10 (ч. 2) и 58-11 «служитель религиозного культа (священник)» Николай Милонов. Согласно обвинительному заключению, Милонов, «возвратившись в 1934 г. из лагеря за отбытием срока наказания, установил связь с к/р организацией, руководимой архиепископом Ряшенцевым³³, и по его поручению проводил к/р работу среди религиозно настроенных лиц, используя религиозные предрассудки масс. В течение 1939—40 гг. Милонов под видом молений на частных квартирах устраивал к/р сборища, на которых систематически велась к/р агитация». 1 августа 1941 г. священник был расстрелян. По тому же делу к различным срокам заключения были приговорены 15 участников «контрреволюционных сборищ», в том числе 11 женщин³⁴.

В первом полугодии 1941 г. и в особенности после начала войны массовым явлением стало осуждение верующих в лагерях. Они нередко держались группой, к тому же некоторые отказывались выходить на работу в воскресенье и в дни религиозных праздников. Последнее подпадало под ст. 58-14 (контрреволюционный саботаж). Репрессии носили исключительно жестокий характер, невзирая на пол и возраст.

14 мая 1941 г. за отказ от работы по религиозным убеждениям Архангельский облсуд приговорил к расстрелу Анну Базилюк, отбывавшую наказание в Ягринлаге НКВД. Ей ставилось в вину и то, что она «в бараке среди заключённых высказывала контрреволюционные измышления, направленные против советской власти, против руководителей советского правительства, восхваляя при этом царский строй». Казнь состоялась 2 августа 1941 г.³⁵

27—28 мая 1941 г. лагерный суд осудил по статьям 58-10 (ч. 1) и 58-14 Прохора Булова, который, «отбывая наказание в Нижне-Амурском лагере НКВД, систематически вёл среди заключённых к.р. агитацию, исходя, якобы, из своих религиозных убеждений. Не работая сам, Булов призывал и других заключённых не работать в воскресные дни». Слова «в воскресные дни» в деле зачёркнуты, что создавало впечатление полного отказа от работы и усиливало обвинение. 30 июня ВС СССР оставил приговор в силе, 28 июля его привели в исполнение³⁶.

17 июня 1941 г. лагерной сессией Куйбышевского облсуда были приговорены к высшей мере наказания Макар Фиошкин, Пётр Попадьян, Никифор Голиков, Михаил Комаров, поскольку они «внедряли в массу заключённых свои религиозные убеждения, призывали заключённых не работать в воскресные дни и религиозные праздники». 24 июля ВС СССР утвердил приговор, 6 августа осуждённых расстреляли³⁷.

³² Там же, д. 2234, л. 2—2 об. См. аналогичные дела: Там же, д. 1991, 1994, 2059, 2190, 3376.

³³ Архиепископ Варлаам (Ряшенцев, 1878—1942), в 1920—1930-х гг. неоднократно арестовывался, провёл несколько лет в тюрьмах и лагерях. С 1933 г. находился в ссылке в Вологде, где совершал на дому тайные богослужения; создал небольшие общины из монахинь закрытых обителей. 11 ноября 1940 г. арестован, 26 августа 1941 г. приговорён Вологодским облсудом к расстрелу, заменённому Президиумом ВС СССР на 10 лет заключения в лагере. Скончался в тюрьме в Вологде 20 февраля 1942 г.

³⁴ ГА РФ, ф. Р-9474, оп. 23, д. 2190, л. 2—3, 6, 9.

³⁵ Там же, д. 1915, л. 2.

³⁶ Там же, д. 2059, л. 3.

³⁷ Там же, д. 2226, л. 1, 9.

Согласно указаниям НКЮ, в информации о делах не допускалось цитирование антисоветских высказываний, послуживших основанием для обвинения, их следовало излагать в самом общем виде. Лишь в немногих делах надзорного производства сохранились документы, позволяющие понять, чем именно мотивировались смертные приговоры верующим.

26 марта 1941 г. Архангельский областной суд приговорил по ст. 58-10 (ч. 2) и 58-11 заключённых Пинежского лагеря П.П. Басова, А.К. Скудину, А.П. Паранову к расстрелу, а Н.Н. Андрееву и М.Н. Клевачева к 10 годам тюремного заключения за то, что они «организовались в контрреволюционную сектантскую группу, как баптисты и сектанты в прошлом. Под предлогом религиозных убеждений систематически проводили сборища в бараках и на работе, на которые привлекали и других заключённых. На сборищах читали выписки из Евангелия и целую массу рукописей, написанных Парановой и Скудиной в стихах и прозой, явно контрреволюционного содержания с призывом бороться с советской властью»³⁸.

Басову ВС РСФСР заменил расстрел на 10 лет тюрьмы. Паранова и Скудина подали прошения о помиловании. «Обвинялась я в следующем, — говорилось в прошении Парановой, датированном 25 мая³⁹, — 1. Писание контрреволюционных рассказов и отправка их на волю моей матери: а) “Город вольный” (который я писала просто, как религиозный рассказ), б) рассказ о “От Архангельска до Карелихи [нрзб.]” — описание Севера и этапа — этап был очень тихий — шли старушки, погода благоприятствовала, но было в этапе несчастье — одна женщина бежала и в побеге была ранена. Этим случаем я делилась с моей матерью (рассказы мать не получила). 2. Разговор с з/к Зильберт о голоде 1933 года в городе Саратове. Это я рассказывала о переживаниях нашей семьи и близких — об этом я призналась на следствии и суде. 3. Ряд разговоров религиозного характера с заключёнными. Признала полностью — правда, разговоры эти были свидетелями переданы не точно — очевидно по причине их незнания вопросов, о которых был разговор. 4. Систематическая контрреволюционная связь с другими баптистами. Связь признала полностью, но как связь не с целью контрреволюции, а чисто религиозную... Прошу партию и правительство в лице Президиума Верховного совета Союза Социалистических республик — оказать мне помилование — желаю жить, трудиться, радоваться — быть полезным человеком нашей страны... Отбывая срок наказания по ст. 58 пункт 10-11 в Кулойлаге Н.К.В.Д. Пинежского отделения на лаг. пункте Карелиха с 11/І 1938 года по 10/ХІІ 1939 года, 2 года работала в плановой части — статистиком и нормировщиком... Жила я в женском общежитии среди исключительно уголовных женщин — их жизнь, наполненная пороками и преступлением, страшно тяжело мною переживалась; она оскорбляла меня, и я часто украдкой плакала, и этим горем мне не с кем было поделиться — тогда я написала религиозный рассказ “Город Вольный” — где описывались видимые мною пороки. Этот рассказ я попыталась прочесть сотрудникам з/к Жукову и Хохову (они уважали меня), но они не пожелали читать его до конца. Тогда я послала этот рассказ матери, но она не получила его... В хоз. части работали молодые люди, которые с любопытством расспрашивали меня о моих убеждениях — я... отвечала. Удовлетворив

³⁸ Там же, д. 1888, л. 2—8, 13—16.

³⁹ Анастасия Паранова (1910 г.р.) до своего ареста 29 декабря 1936 г. работала экономистом областного земельного управления в Саратове. 5 июня 1937 г. Саратовский облсуд приговорил её к 8 годам заключения в лагере за антисоветскую агитацию (по этому обвинению реабилитирована 24 декабря 1957 г.). См.: URL: <http://base.memo.ru/person/show/1988503>.

своё любопытство, они смеялись надо мной, и были случаи, стыдно сказать — я плакала... В общежитии я жила совместно с з/к, з/к Скудиной и Андреевой, и мы совместно восстанавливали на бумаге наше любимое: евангелие и гимны — приложено в деле, но эти записки читать никому не давали. Убедительно прошу Президиум Верховного совета Социалистических республик отменить мне данный приговор, заменив таковой соответствующим сроком. Хочу жить, радоваться, быть полезной нашей советской родине... Ещё и ещё и ещё прошу снисхождения — дарование мне жизни (мне не верится в расстрел). Я много виновна перед законом и моей совестью и всё же прошу прощения и обещаю быть разумным и полезным человеком»⁴⁰.

Скудина в своём прошении писала, что, вопреки приговору, не являлась «руководителем и организатором баптистской группы ни в прошлом, ни в настоящем». «Религиозную агитацию среди своих единоверцев баптистов» она не считала «большим преступлением перед советским правительством, зная, что на воле есть собрания баптистов, на которых проповедуются евангелие и поются эти гимны, и до моего сознания не доходило ещё то, что обмен с единоверцами религиозной писаниной можно считать за агитацию, так как они уже сагитированы, т.е. уже верующие, я смотрела на это просто, как на поддержание духа в трудную минуту... В отношении клеветы на советское правительство как на власть от Антихриста... никак не могу взять на себя эту вину, так как это убеждение противоречит моему евангельскому убеждению, что всякая власть от Бога и ужиться одно с другим эти убеждения не могут». Радоваться жизни ни Анастасии Парановой, ни Александре Скудиной не довелось: 22 июля Президиум Верховного совета СССР отказал им в помиловании, 1 августа обе женщины были расстреляны⁴¹.

В первые дни войны аресты подозрительных, в том числе активных верующих, начались по всей стране, включая местности, находившиеся за тысячами километров от линии фронта. В Москве 22 июня (не позднее 7 часов утра!) по предписанию начальников управлений НКГБ и НКВД по Москве и Московской обл. были приготовлены списки на немедленный арест 1 077 человек, в том числе троцкистов (78), бывших членов антисоветских политических партий (82), «сектантов-антивоенников» (91). К 17 часам «на основании имеющихся агентурно-следственных материалов» в Москве уже проводилось «изъятие активноедействующего контрреволюционного элемента»⁴². В Ленинграде 25 августа было намечено арестовать 27 «церковников, сектантов, католиков и клерикалов» и ещё 38 выслать⁴³.

В целом динамика поступления дел по контрреволюционным преступлениям в верховные, краевые, областные и окружные суды союзных республик в 1941 г. (без Украины, Белоруссии, прибалтийских республик и Молдавии, оккупированных противником) выглядела следующим образом: «РСФСР: I квартал — 5 248 (100%), II — 4 846 (92,3%), III — 13 310 (253,6%), IV — 8 895 (169,5%). По 8 союзным республикам (Азербайджан, Грузия, Армения, Туркмения, Узбекистан, Таджикистан, Казахстан, Киргизия): I квартал — 1 092 (100%), II — 1 182 (108,2%), III — 4 172 (384,4%), IV — 4 198 (384,4%). Всего: I квартал — 6 340 (100%), II — 6 028 (95,1%), III — 17 482 (275,7%), IV — 13 093

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Москва военная. 1941—1945. Мемуары и архивные документы / Сост. К.И. Буков, М.М. Горинов, А.Н. Пономарёв. М., 1995. С. 37—38, 43—44.

⁴³ Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. СПб.; М., 2002. С. 495.

(206,5%)»⁴⁴. Снижение поступления дел по контрреволюционным преступлениям в IV квартале 1941 и в 1942 г. объяснялось передачей с конца ноября значительной их части в Особое совещание НКВД и преобразованием ряда судов общей юрисдикции в военные трибуналы.

Резкий рост числа арестов сразу после начала войны объяснялся вовсе не активизацией «контрреволюционеров» — арестовывали тех, кто находился на учёте. Об этом ясно говорилось в отчёте Молотовского областного суда о работе во второй половине 1941 г.: «В мирное время были терпимы на свободе люди, в отношении которых имелись не совсем ясные материалы об их преступной деятельности. В военной же обстановке эти элементы на свободе терпимы быть не могут. Они были арестованы и преданы суду». Если в первом полугодии Молотовский облсуд выносил приговоры в среднем по 83 делам в месяц, то во втором — по 240⁴⁵. Кировский областной суд рапортовал о расстрелах участников степановского мятежа 1918 г. в Нолинске, воров-рецидивистов, деятелей «православно-монархического подполья»⁴⁶.

Волна репрессий, прокатившаяся по стране во втором полугодии 1941 — начале 1942 г., по ряду параметров напоминает «второе издание» Большого террора. Как и в 1937—1938 гг., они носили превентивный характер, отличались крайней жестокостью приговоров и осуществлялись на всей территории страны, обрушившись на «подозрительных», прежде всего из определённых категорий населения. Если число осуждённых судами РСФСР по ст. 58 во втором полугодии 1941 г. по сравнению с первым возросло в 1,4 раза, то приговорённых к смертной казни оказалось больше почти в 11,5 раз⁴⁷.

Во втором полугодии 1941 г. арестам подверглись 1 480 «церковников и сектантов». В действительности их, скорее всего, было гораздо больше. Сведения за эти месяцы явно неполны из-за оккупации нацистами Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии, ряда областей РСФСР. В статистических сводках НКВД за 1941 г. даже отсутствовала традиционная таблица с данными о числе арестованных по территориальным и структурным органам⁴⁸.

В литературе встречаются утверждения, что с первых дней Великой Отечественной войны «кое-что начало меняться» в отношении к Церкви, прекратилась атеистическая пропаганда, руководству ВКП(б) пришлось начать «поиски новых отношений с религиозными организациями»⁴⁹ и «перейти к диалогу во имя единства верующих и атеистов в борьбе с общим врагом России»⁵⁰. Будто бы даже «уже в первый период войны... практически прекратились аресты священнослужителей»⁵¹.

Число арестов священников было сравнительно невелико, потому что «арестовывать стало практически некого» — подавляющее их большинство к началу войны уже были репрессированы. Только в 1937 г. были арестованы по меньшей мере 33 382 «служителя религиозного культа», а всего по категории «духо-

⁴⁴ ГА РФ, ф. Р-9492, оп. 1а, д. 182, л. 4—6.

⁴⁵ Там же, ф. Р-9474, оп. 1а, д. 184, л. 69—70, 74.

⁴⁶ Пятунин Е. Закон во время чумы // ExLibris «Независимой газеты». 2001. 24 мая.

⁴⁷ ГА РФ, ф. А-353, оп. 16, д. 42; д. 38, л. 122.

⁴⁸ Мозохин О.Б. Право на репрессии... С. 485.

⁴⁹ Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 184; Одинцов М.И. Русская православная церковь... С. 261.

⁵⁰ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь... С. 208.

⁵¹ Терёшина О.В. Православная церковь в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2014. № 6. С. 149. Ср.: Шкаровский М.В. Община Князь Владимирского собора в годы Великой Отечественной войны // Вестник церковной истории. 2018. № 1—2. С. 276.

венство, сектанты» — 37 331 человек. В 1938 г. по категории «сектантско-церковная контрреволюция» были репрессированы 13 438 человек. По-видимому, бóльшая их часть погибла. На территории современной Новгородской обл. в 1937—1938 гг. «было расстреляно не менее 83% священников, служивших на приходах Московской патриархии на начало 1937 г.: 298 человек из 362» (судьба ещё нескольких десятков неизвестна); из 315 храмов, действовавших в 1936 г., осталось три. Аналогичные процессы происходили и в других областях. В Орловской обл. с 1 октября по 31 декабря 1937 г. были осуждены «1 667 церковников и сектантов, в том числе расстреляно 1 130 человек, а к концу 1941 года всего осуждено по религиозным мотивам 1 921 человек, из них 1 209 к расстрелу... С октября по декабрь 1937 года в Орловской области практически всё духовенство было ликвидировано». К началу войны в современных границах области остались две действующие церкви⁵².

Массовое закрытие храмов привело к «расширению сферы церковного подполья» и вынуждало переходить на нелегальное положение не только отрицавших «сергианство», но и вполне лояльных патриархии священнослужителей и верующих⁵³. Священнику из Осинского района Пермской (с 1940 г. — Молотовской) обл. В.Д. Мокрушину ввиду отсутствия в епархии правящего архиерея пришлось для рукоположения в сан съездить в 1939 г. в Москву⁵⁴. Однако служить ему довелось недолго: война застала его в должности санитаря психиатрической больницы в Молотове. С 1940 г. он окормлял небольшую группу верующих, собиравшихся в «домашней церкви» на квартире А.А. Бурдиной. 21 июля Мокрушина арестовали, а 28 ноября Молотовский облсуд приговорил священника и четверых прихожан (среди них — трёх женщин) по ст. 58-10 (ч. 2) и 58-11 к расстрелу. Среди прочего подсудимых обвиняли в том, что они «клеветали на условия жизни трудящихся», т.е. обсуждали темы, волновавшие едва ли не всё население СССР. Мокрушина расстреляли 21 мая 1942 г., остальным смертную казнь заменили на 10 лет лагерей⁵⁵. Впрочем, даже легальное положение и патриотические проповеди ничего не гарантировали. Так, 20 марта 1942 г. был арестован и обвинён в антисоветской агитации священник Алексеевской часовни в посёлке Пожва Молотовской обл. К.П. Кунахович. Более года спустя ОСО НКВД осудило его на пять лет лишения свободы как «социально опасный элемент»⁵⁶.

Наряду с арестами «подучётного элемента» после начала войны пересматривались и ужесточались ранее вынесенные или изменённые приговоры. Так, 27 марта 1941 г. судебная коллегия по уголовным делам Вологодского облсуда приговорила к смертной казни Ивана Штылика, который «систематически на протяжении 1939—1940 г. среди окружающего его населения, используя религиозные убеждения, проводил контрреволюционную клеветническую агитацию

⁵² Мозохин О.Б. Право на репрессии... С. 461, 465; Галкин А.К. Из глубины воззвух...: Письмо эвакуированной псаломщицы новоизбранному Патриарху // Вестник церковной истории. 2015. № 3/4(39/40). С. 291—292; Перельгин А.И. Орловское духовенство в годы политических репрессий // Учёные записки Орловского государственного университета. 2016. № 2(71). С. 43, 45.

⁵³ Беллов А.Л. В поисках «безгрешных катакомб»... С. 35, 65.

⁵⁴ Федотова И.Ю. Государственная религиозная политика и возрождение Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны. На примере Молотовской области (URL: <https://www.permgaspi.ru/deyatelnost/stati/gosudarstvennaya-religioznaya-politika-i-vozhrozhdenie-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny-na-primere-molotovskoj-oblasti.html>).

⁵⁵ ГА РФ, ф. Р-9474, оп. 27, д. 992.

⁵⁶ Пермский государственный архив социально-политической истории, ф. 641/1, оп. 1, д. 8941 (URL: <https://www.permgaspi.ru/repress/index.php?id=23193>).

пораженческого характера». 22 апреля ВС РСФСР заменил ему расстрел лишением свободы на 10 лет, однако 7 июля это решение было обжаловано и 13 августа тот же ВС РСФСР оставил в силе первоначальный — расстрельный — приговор⁵⁷.

Служивший в церкви посёлка Елатьма недалеко от Касимова Рязанской области потомственный священник Николай Анатольевич Правдолюбов был арестован 26 февраля 1941 г. Его отец протоиерей Анатолий Авдеевич Правдолюбов и старший брат Владимир, преподаватель техникума, были расстреляны в 1937 г. Сам он только в 1940 г. освободился после пятилетнего заключения в лагере. Шанс выжить, тем более — остаться на свободе на прежнем месте жительства, у него был невелик. Однако он согласился, по просьбе прихожан, занять место скончавшегося священника в Елатьме. 28 июня Рязанский облсуд приговорил о. Николая к расстрелу, обвинив его в том, что, проповедуя в церкви с декабря 1940 по февраль 1941 г., он «призывал верующих к борьбе с советской властью». Находясь в рязанской тюрьме, иерей стал терять рассудок (очевидно, сказались методы ведения следствия и последствия отравления газами во время Первой мировой войны). Он кричал на всю тюрьму, обращаясь к жене: «Поля, спаси меня от Сталина!». Священника выволокли на тюремный двор и расстреляли 13 августа⁵⁸.

Уже 24 июня в Новосибирске начались аресты «истинно-православных христиан», «активных церковников», баптистов. Приговоры за «антисоветскую агитацию» были крайне жестокими: к расстрелу приговорили 13 из 24 проходивших по делу «истинно-православных христиан», 4 из 9 представших перед областным судом баптистов и троих пожилых прихожан единственной оставшейся в городе кладбищенской церкви⁵⁹. Методы ведения следствия ничем не отличались от применявшихся в 1937 г. Приговорённый к 10 годам лишения свободы по делу баптистов А.М. Зеронин жаловался в ВС РСФСР: «Фактически моя вина в том, что я являюсь верующим в Бога. Никогда в никаких к-р. организациях не состоял и никакой агитации не вёл. Протокол допроса меня вымышлен лицом, проводившим расследование. Меня же заставили подписать протокол путём физического насилия. Меня так избили, что я оглох»⁶⁰. Похоже, его апелляция не пошла дальше местного управления НКВД.

27 июня был арестован возведённый в марте того же года в сан архиепископа Николай (Могилевский). В 1925—1927 и 1932—1937 гг. он находился в заключении. Освободившись из лагеря, жил на покое в Егорьевске Московской обл., затем — в Киржаче Ивановской обл., изредка наезжая в Москву. Архиепископ был близок к патриаршему местоблюстителю, исповедовал его и помогал ему в ведении дел патриархии, время от времени служил в московских храмах. Его вывезли в Саратов; во время следствия содержали в тюрьме, обвиняя в том, что, отбыв наказание, он «возобновил антисоветскую деятельность» и «снабжал приезжавших епископов западных областей Украины, Белоруссии и прибалтийских республик антисоветской клеветнической информацией о положении религии в СССР с целью вызова недовольства среди верующих». Так, в марте на встрече с западноукраинскими архиереями Николай (Могилевский) заявил: «Большинство епископов в СССР находятся в ссылках... Советская

⁵⁷ ГА РФ, ф. Р-9474, оп. 23, д. 2197, л. 1—2; д. 3388, л. 1—2.

⁵⁸ Там же, д. 2486, л. 2, 4, 5—6, 8.

⁵⁹ *Тепляков А.* Управление НКВД по Новосибирской области... С. 282—283.

⁶⁰ Советское государство и евангельские церкви в Сибири в 1920—1941 гг. / Сост. А.И. Савин. Новосибирск, 2004. С. 370.

власть усиливает своё давление на Церковь и верующих». «Вас на Западной Украине ждет то же, что пережили мы здесь, — предупреждал он епископа Острожского Симона (Ивановского). — Будьте готовы к разгрому церкви и к террору над духовенством, к колхозным насилиям и к другим подобным преступлениям»⁶¹.

28 августа Особое совещание приговорило архиерея по ст. 58-10 (ч. 2) и 58-11 к пяти годам ссылки в Казахстан. Только на первый взгляд приговор кажется мягким: шансы 64-летнего архиепископа пережить суровые условия ссылки были невысоки. Его продержали в тюрьме полгода, затем в арестантском вагоне отправили к месту назначения и вытолкали зимой в одном белье и рваном ватнике на станции Челкар Актюбинской обл. Выжил он чудом и милостью добрых людей⁶².

Председатель ВС УССР К.Т. Топчий, докладывая о проделанной с 15 июля по 1 августа 1941 г. работе, сообщал: «Из рассмотренных Верховным судом контрреволюционных дел обращают на себя внимание дела о деятельности разных антисоветских церковных групп, которые в последнее время расширили свою деятельность». Наиболее масштабным из указанных им процессов являлось рассмотренное Запорожским областным судом дело бывшего епископа Клинского, викария Московской епархии Гавриила (Красновского) «и других в количестве 6-ти человек (все бывшие монашки и попы)». В конце 1920-х гг. владыка Гавриил «отделился» от митрополита Сергия (Страгородского), с 1936 г. жил в Геническе, где тайно служил. Подсудимых расстреляли 18 августа за то, что они, будучи «участниками контрреволюционной организации “Тихоновцев”, организовали подпольную церковь на квартире одного из членов этой организации, проводили подпольно религиозные обряды, собирались на нелегальные собрания, на которых проводили контрреволюционные разговоры, заявляли... что советская власть послана человечеству за грехи»⁶³.

Архиепископ Вологодский Стефан (Знамировский) «отделился» от митрополита Сергия (Страгородского) в 1927 г., однако уже в 1929 г. воссоединился с ним, неоднократно арестовывался, находился в тюрьмах и в ссылке. В июне 1941 г., за неделю до начала войны, освободился после трёхлетнего заключения из Верхне-Човской колонии в Коми АССР, но уже 9 августа был вновь арестован и отправлен обратно в колонию. 17 ноября ВС Коми АССР приговорил его к расстрелу за «проведение во время заключения в ИТК к/р агитации, направленной на поражение существующего строя и восстановление капиталистического строя и религии, проведение в лагере треб и молебнов». Архиерея казнили в Сыктывкаре 18 марта 1942 г.⁶⁴ 13 июля последовал арест архиепископа Куйбышевского Андрея (Комарова), однако 7 сентября его освободили, прекратив дело. Возможно, начало сказываться изменение политики в отношении Церкви.

Большинство репрессированных в годы войны за веру — «простые» люди. По-видимому, среди них преобладали «истинно-православные христиане»,

⁶¹ URL: http://www.pstbi.ccas.ru/bin/db.exe/spc_1_foto/ans/nm%20/?HYZ9EJxGHoxITcGZeupQJk9XAK**

⁶² Там же.

⁶³ Центрального державного архіву вищих органів влади та управління України, ф. Р-2, оп. 7, д. 340, л. 99—100; *Васильева Н.Ю., Шкаровский М.В.* Гавриил (Красновский) // Православная энциклопедия. Т. 10. М., 2005. С. 221—222.

⁶⁴ Документы Московской Патриархии: 1934 год. / Публ. и коммент. А.К. Галкина // Вестник церковной истории. 2010. № 3/4. С. 198—199, 236.

не принимавшие «сергианство», очень высока была доля женщин⁶⁵. Многие повторно осуждались в лагерях.

Карагандинский облсуд как будто поставил истребление верующих женщин-заключённых на поток. 7 августа 1941 г. его постоянная сессия при Карлаге приговорила Наталию Твердохлебову, Магдалину Сницер⁶⁶ и Веру Дворникову по ст. 58-10 (ч. 2) и 58-14 к расстрелу, поскольку они «в целях контрреволюционного саботажа под видом религиозных убеждений отказывались от выхода на работу, проводили к/р агитацию, направленную на поражение Советского Союза в войне, дискредитирующую коммунистическую партию и советскую власть»⁶⁷. 12 августа та же сессия осудила на казнь по ст. 58-14 за «деорганизацию лагерного производства», выразившуюся в отказе выходить на работу по религиозным убеждениям, сразу восемь женщин: Надежду Фролову, Александру Бурцеву, Пелагею Уколову, Анну Меняйлик, Евгению Першину, Совету Гришук, Анну Глушанкову и Дарью Чернову. Одна из смертниц отбывала двухлетний срок заключения, ещё трое — трёхлетний⁶⁸. На следующий день тем же судом по той же статье была приговорена к расстрелу Феодосия Жихарева⁶⁹, 14 августа — Е.В. Михаленкова и Софья Ковтун, отбывавшие наказание в Бурминском отделении Карлага⁷⁰. 25 августа «контрреволюционный саботаж под видом религиозных убеждений» стоил жизни Дарье Дьяченко, Матрёне Дмитриевой, Прасковье Рыжковой-Печенкиной, Парасковье Татариковой (в том же деле она именуется также Татарыковой), Анне Каспрук⁷¹. Почти все осуждённые — малограмотные или неграмотные крестьянки. Прошений о помиловании они не подавали.

В заседаниях 14 и 17 октября ВС Казахской ССР утвердил смертные приговоры всем, кроме юной Дворниковой (1923 г.р.), которой высшую меру заменили 10 годами лагерей. Её расстреляли годом позже по приговору того же суда по той же статье⁷². В составе коллегии по уголовным делам ВС Казахской ССР, утвердившей эти решения, двумя из трёх судей были женщины — Н.П. Морозова и М.В. Фалеева, которая председательствовала на заседании 14 октября.

15 ноября 1941 г. Берия направил Сталину записку с просьбой разрешить НКВД привести в исполнение смертные приговоры, вынесенные военными трибуналами округов и судами общей юрисдикции, не дожидаясь их утверждения высшими судебными инстанциями. Процедура утверждения занимала несколько месяцев, причём окончательное решение на самом деле принимала комиссия Политбюро ЦК ВКП(б), куда ВС СССР направлял свои вердикты.

⁶⁵ См. весьма информативный сайт «Из истории гонений Истинно-православной (катакомбной) Церкви», подготовленный сотрудниками «Мемориала» И. Осиповой и Л. Сикорской: <http://www.histor-ipt-kt.org/index.html>. На нём размещены некоторые следственные дела военного времени. Среди осуждённых за антисоветскую агитацию спецпоселенцев Урала и Сибири «истинно-православные христиане» (36,2%) шли вслед за кулаками (43,6%) (*Вольхин А.И.* О характере арестов, осуществлённых органами НКГБ Урала и Сибири в годы Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке. 1997 год. М.; Великий Новгород, 1999. С. 90—91).

⁶⁶ Магдалина Сницер (1894 г.р.), неграмотная крестьянка из Каменец-Подольской обл., отбывала в Карлаге годичное заключение за невыполнение мясопоставки государству (ГА РФ, ф. Р-9474, оп. 23, д. 2580, л. 2—2 об.).

⁶⁷ Там же, д. 5677, л. 1—2.

⁶⁸ Там же, д. 5685, л. 1—2.

⁶⁹ Там же, д. 5674, л. 1—2.

⁷⁰ Там же, д. 5884, л. 1—2.

⁷¹ Там же, д. 5673, л. 1—2.

⁷² Там же, д. 3566. Вместе с Дворниковой по тому же делу была расстреляна Марфа Каткова.

В результате в тюрьмах НКВД в тыловых районах «скопилось» 10 645 человек, ожидавших своей участи⁷³. Сталин одобрил предложение, и уже 17 ноября оно было узаконено постановлением ГКО, практически дословно воспроизводившим текст записки⁷⁴.

Руководствуясь им, 25 ноября сотрудники Управления НКВД по Рязанской области и Рязского райотдела НКВД расстреляли в подвале 36 заключённых Рязской пересыльной тюрьмы. Треть из них (12 человек, среди них 11 женщин) являлись «активными верующими»: все они принадлежали к общинам истинно-православных христиан, все расстрелянные женщины, за исключением 59-летней учительницы Анны Георгиевской, были крестьянками и жили до ареста в различных сёлах Рязанской обл., в основном — в с. Куймань («контрреволюционная группа церковников селения Куймань») и с. Парой. К смерти их приговорили в сентябре и октябре 1941 г. на различных заседаниях судебной коллегии по уголовным делам Рязанского облсуда и военного трибунала войск НКВД Московской обл.⁷⁵

Замена смертной казни заключением встречается в делах верующих за 1941 — начало 1942 г. крайне редко. Для этого нужен был какой-нибудь вопиющий повод. Так, Кировский облсуд 18 июля 1941 г. приговорил по ст. 58-10 (ч. 2) к расстрелу Анастасию Перешеину. ВС РСФСР 12 августа оставил приговор в силе, отметив, что осуждённая «единоличница, церковница, судима в 1941 г. за невыполнение государственных обязательств... Проживая в дер. Перешеинцы Оричевского р-на, систематически среди населения проводила контрреволюционную агитацию, используя при этом религиозные предрассудки граждан, клеветала на политику партии и советского правительства»⁷⁶. Это решение опротестовал председатель ВС СССР И.Т. Голяков, обративший внимание на то, что «к.-р. высказывания Перешеиной имели место в 1939 г., а следовательно, не были связаны с военной обстановкой». Основанием для смертного приговора в 1941 г. послужил отказ Перешеиной принимать участие в выборах в Верховный совет СССР в 1939 г., мотивированный тем, что она «не гражданка, а христианка и советскую власть не признаёт». В результате ей заменили расстрел 10 годами лишения свободы⁷⁷.

Происхождение из духовного звания оказывалось «чёрной меткой». В агентурных сводках НКВД обязательно отмечалось происхождение автора антисоветского («пораженческого») высказывания, к примеру, «иподьякон» или «дочь священника»⁷⁸. Напротив, ВС Грузинской ССР 18—19 февраля 1941 г. оправдал некоего Торун Билалоглы, обвинявшегося в антисоветской агитации и провокационных выпадах против советской власти, поскольку выяснилось, что, вопреки обвинительному заключению, он не был сыном муллы⁷⁹.

Верующие имели все основания не любить советскую власть, и её представители вполне отдавали себе в этом отчёт. Проводница на железной дороге

⁷³ В прифронтовой полосе право утверждения приговоров военных трибуналов к высшей мере наказания принадлежало военным советам фронтов, после чего они немедленно приводились в исполнение.

⁷⁴ Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946 / Под ред. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М., 2006. С. 318—320.

⁷⁵ Рязанский мартиролог (URL: <http://stopgulag.org/object/64264933?c=ru>).

⁷⁶ ГА РФ, ф. Р-9474, оп. 23, д. 5771, л. 1—2.

⁷⁷ Там же, л. 3—6.

⁷⁸ Недремлющее око спецслужб / Публ. В.В. Марковчина // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 4. М., 2006. С. 553.

⁷⁹ ГА РФ, ф. Р-9474, оп. 23, д. 2279, л. 1—2.

якобы предсказывала: «Конец большевизма близок, бог посылает избавление верующим от гнёта, скоро будет возможность реставрации монархии и монастырей. Наше правительство не русское, а еврейское и грузинское. Мы сейчас в рабстве, чем же хуже будет рабство немцев? Коммунизм и религия вместе несовместимы. Погибнет коммунизм, и расцветёт религия. У всех живёт вера освобождения от безбожников»⁸⁰.

Сводки НКВД, конечно, требуют весьма критического отношения, однако о поражеческих или, скажем, осторожных, выжидательных настроениях среди части верующих упоминается и в других источниках. Так, В.С. Гроссман записал в конце сентября 1941 г. в деревне Каменка, где-то на границе России и Украины: «Хозяева — три женщины. Смесь украинского и русского говора... Старуха всё спрашивает: “А правда, что немцы в Бога веруют?” Видно, в селе немало слухов о немцах. “Старосты полоски нарезают” и пр. Весь вечер объясняли им, что такое немцы. Они слушают, вздыхают, переглядываются, но тайных мыслей своих не высказывают. Старуха потом тихо говорит: “Що было мы бачылы, що будэ побачымо»⁸¹. 4 июля 1941 г., находясь в Ярославской обл., М.М. Пришвин стал свидетелем того, как одна из крестьянок распространяла слух, будто Москву не будут бомбить «из-за того, что в ней много верующих». «Ай же!, — восклицал писатель. — Какая это государственная ошибка, если верующие граждане ждут защиты веры своей у иноземцев!»⁸².

Однако государство преследование верующих ошибкой отнюдь не считало. Патриотические заявления патриаршего местоблюстителя, похоже, не произвели на партийное руководство видимого впечатления. Каких-либо усилий для их распространения властями не предпринималось, хотя они и не препятствовали рассылке машинописных и рукописных копий по приходам. Технические возможности церковных иерархов доносить свои воззвания до прихожан были весьма ограничены: у патриаршего местоблюстителя имелась пишущая машинка, а митрополиту Ленинградскому приходилось вести делопроизводство от руки. Обзавестись собственным аппаратом ему разрешили лишь в декабре 1943 г.⁸³ Позднее НКВД распространял патриотические обращения православных архиереев преимущественно на оккупированных или подвергавшихся угрозе оккупации территориях. Однако лучшими агитаторами за советскую власть оказались нацисты. Гроссман приводит разговор двух женщин летом 1942 г. в районе Сталинграда: «Ось цей Гитлер то настоящий антихрист. А мы раньше казали — коммунисты антихристы»⁸⁴.

Исчезновение со страниц газет и журналов антирелигиозной пропаганды объяснялось прежде всего давлением со стороны союзников: им стремились угодить если не на деле, то хотя бы на словах⁸⁵. Первое упоминание о патриотической деятельности Русской Церкви появилось 16 августа 1941 г. в «Правде»⁸⁶. Несомненно, оно не было случайным. Однако обнаружить его мог только очень внимательный читатель. В разделе «Фонд обороны» в маленькой корреспонденции из Харькова «Взносы растут с каждым днём» говорилось о пожерт-

⁸⁰ Недремлющее око спецслужб. С. 553—554.

⁸¹ Гроссман В. Годы войны. М., 1989. С. 276.

⁸² Пришвин М.М. Дневники, 1940—1941. М., 2012. С. 505.

⁸³ Галкин А.К. Указы и определения... С. 57, 69.

⁸⁴ Гроссман В. Годы войны. С. 344.

⁸⁵ Майнер С. М. Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика 1941—1945 / Перевод В. Артёмова. М., 2010. С. 114—119.

⁸⁶ Одинцов М. Русская православная церковь... С. 261.

вовании трудящимися города 4 млн 184 тыс. руб., о передаче золотых изделий двумя испанскими эмигрантами, а также гражданами Межейка и Высоцкой. «В сберкассе Кагановичского района, — сообщалось далее, — поступило следующее заявление от гражданина В.Е. Секалова: “По решению церковного совета Казанской религиозной общины (тихоновской ориентации) перечислено 11 007 рублей в фонд обороны. Совет просит опубликовать в местной прессе”»⁸⁷.

Однако это было не единственное обращение к «религиозной» теме в этом номере «Правды». На другой его полосе помещались ещё две специальные заметки: «Выступления католического духовенства Голландии против фашистов» и «Преследования католиков в оккупированной Польше», где указывалось, что германские нацисты отправили в тюрьму или выслали более половины священников Лодзинской обл., «под арестом оказался также епископ». Как информировала газета, «немцами были запрещены венчания по католическим обрядам. Многие монастыри и церкви превращены в гостиницы и дансинги»⁸⁸. Эти слова можно было бы счесть провокацией: сравнения напрашивались.

Патриарший местоблюститель в послании, составленном 22 июня 1941 г., заявлял, что если «молчаливость пастыря, его некасательство к переживаемому паствой объяснится ещё и лукавыми соображениями насчёт возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена родине и своему пастырскому долгу»⁸⁹. Он явно предвидел, что значительная часть духовенства будет не слишком опечалена исчезновением советской власти, но вряд ли догадывался, как скоро и «близко» материализуется кошмар. Бывший управляющий делами Московской патриархии, экзарх Прибалтики митрополит Сергей (Воскресенский) уклонился от эвакуации, спрятавшись в крипте Рижского собора, пошёл на сотрудничество с оккупантами и занял однозначно антисоветскую позицию⁹⁰.

Не способствовала повышению доверия власти к Церкви и деятельность на оккупированной территории менее известных иерархов, а также сотен священников, служивших в храмах, стремительно открывавшихся при содействии или молчаливом согласии оккупантов⁹¹. Всего на оккупированной территории РСФСР, Белоруссии и Украины их было открыто свыше 8 тыс.⁹²

После оккупации немцами Ростова-на-Дону в июле 1942 г. живший на покое архиепископ Ростовский Николай (Амасийский) принял на себя епархиальное управление. В то время в городе оставался один действующий храм. Престарелый архиерей Николай (1859 г.р.) неоднократно арестовывался и высылался, из последней ссылки в Казахстан вернулся в 1941 г. Его сын, священник Николай Николаевич Амасийский, в 1937 г. был приговорён к 10 годам лагерей, но уже в 1938 г. умер в заключении. К моменту освобождения в феврале 1943 г. в Ростове-на-Дону службы совершались в 8 храмах, в Ростовской области — в 243. Епископ Таганрогский Иосиф (Чернов), прибывший в Таганрог в декабре 1940 г. после пятилетнего заключения в лагере в Коми АССР

⁸⁷ Правда. 1941. 16 августа. С. 2. В.Е. Секалов был казначеем общины.

⁸⁸ Там же. С. 4.

⁸⁹ «Послание пастырям и пасомым Христовой православной Церкви» местоблюстителя патриаршего престола митрополита Московского и Коломенского Сергия от 22 июня 1941 года. Цит. по: *Цыпин В.А., прот.* История Русской Церкви... С. 262.

⁹⁰ *Шкаровский М.В., Соловьёв И., свящ.* Церковь против большевизма (Митрополит Сергей (Воскресенский) и Экзархат Московской Патриархии в Прибалтике. 1941—1944 гг.). М., 2013.

⁹¹ См., например: *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада. С. 417—431.

⁹² *Шкаровский М.В.* Русская церковь и Третий рейх. М., 2010. С. 147, 154, 195.

и сразу же высланный в Азов, где работал сторожем и истопником в детских яслях, также вновь возглавил епархию⁹³.

Неудивительно, что советская власть, судя по всему, не слишком доверяла словам патриаршего местоблюстителя. А его эвакуация, несмотря на тяжёлую болезнь, из Москвы 14 октября 1941 г. вместе с лидером обновленцев митрополитом Александром Введенским и старообрядческим архиепископом Иринархом (Парфеновым) носила не слишком добровольный характер и, скорее, напоминала высылку с единственной целью — не допустить захвата и дальнейшего использования иерархов немцами⁹⁴. Об этом свидетельствовал и первоначальный пункт назначения — Чкалов (Оренбург). Лишь серьёзное ухудшение здоровья престарелого местоблюстителя в дороге привело к изменению места его пребывания: им стал Ульяновск, в то время — районный центр Куйбышевской обл. с населением 110 тыс. человек.

Ранней весной 1942 г. в репрессивной политике наметился медленный разворот, первые признаки которого появились ещё в начале года⁹⁵. С марта ВС СССР в большинстве случаев стал заменять смертные приговоры другими мерами наказания, иногда на удивление мягкими. Это было вызвано прагматическими причинами: ресурсы страны оказались конечны, не хватало людей для формирования запланированного количества воинских частей и соединений, для работы в промышленности. Резервы искали, где только могли, в том числе в лагерях. 13 марта 1942 г. главный кадровик Красной армии Е.А. Щаденко в адресованной Сталину записке предлагал пересмотреть дела заключённых в возрасте до 45 лет «с целью высвобождения годных для службы в армии не менее 250 000 человек». В марте 1942 г. последовало решение о «добровольной мобилизации» в армию женщин⁹⁶.

Динамика смертных приговоров, вынесенных судами РСФСР за государственные преступления, выглядела следующим образом: после пиковых 41,5% в IV квартале 1941 г. во II квартале 1942 г. их доля снизилась до 21,6%, в III — до 13,8%⁹⁷.

В отношении верующих действовали дополнительные факторы — давление союзников⁹⁸ и необходимость противостоять немецкой пропаганде, использовавшей преследование верующих в СССР. 10 марта 1942 г. по инициативе Берии Политбюро ЦК ВКП(б) постановило издать книгу-альбом «Правда о религии в СССР» с материалами, изобличавшими варварское отношение немцев к православной Церкви и, напротив, показывавшими лояльное отношение советского государства к духовенству. План книги был составлен начальником 3-го Управления НКВД СССР Н.Д. Горлинским. Издание было выпущено Московской патриархией в конце июня (часть тиража отпечатали в типографии «Союза воинствующих безбожников»). Предназначалось оно в основном для

⁹³ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь. С. 188—189; Макарий (Веретенников), архим. Иосиф // Православная энциклопедия. Т. 25. М., 2010. С. 680—682.

⁹⁴ Якунин В.Н. Укрепление положения Русской православной церкви и структура её управления в 1941—1945 годы // Отечественная история. 2003. № 4. С. 85.

⁹⁵ Сборник документов по истории советской военной юстиции, 1941—1951 гг. Вып. 3 / Сост. Л.Н. Гусев. М., 1952. С. 22—24.

⁹⁶ Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война: 1941—1945. М., 2010. С. 126, 131—132.

⁹⁷ ГА РФ, ф. А-353, оп. 16, д. 41, л. 9—10.

⁹⁸ 3 января 1942 г. «Известия» опубликовали «Декларацию Объединённых Наций», в которую, по настоянию президента США Ф. Рузвельта, были включены слова о защите религиозной свободы.

распространения за границей. 16 сентября 1942 г. митрополит Киевский Николай (Ярушевич) и епископ Калужский Питирим (Свиридов) передали его экземпляры в американское, британское и китайское посольства в Куйбышеве. Разумеется, это делалось по поручению и под контролем НКВД⁹⁹.

На Пасху 5 апреля 1942 г. распоряжением коменданта Москвы неожиданно было разрешено беспрепятственное движение по городу ночью (об этом объявили по радио в 6 часов утра в субботу). По данным НКВД, в Москве и Московской обл. в православных храмах на пасхальные богослужения собрались более 160 тыс. человек¹⁰⁰. Это был скорее очередной жест в отношении союзников, нежели уступка значительной части населения. Британский посол в Москве А.К. Керр сообщал: Кремль «показал своё истинное отношение к религиозным празднованиям на Пасху, включив фотографии пасхальной службы в московских церквях в рассылку для публикации за границей, а не в СССР»¹⁰¹. Судя по «отрицательным» и «антисоветским» высказываниям, зафиксированным агентами НКВД, не сомневались в истинных целях властей и некоторые прихожане. Профессор-хирург Розен возмущался появлением «в святом алтаре наших храмов каких-то фотографов... заведомые безбожники стоят у престола Божия со своими лейками... всё это, конечно, делается для наших союзников, чтобы показать им полное благополучие нашей Церкви». Подобным образом рассуждали не только профессора. Рабочий Лихов из Перово утверждал: «Это всё сделано для того, чтобы показать зарубежным странам, что советская власть верующих не притесняет, теперь службы в оставшихся церквях проходят с большим успехом и даже с архиереем, причём их фотографируют и посылают в разные концы света фото». К схожим выводам пришли колхозник Е.Е. Беликов из Мытищинского района и домохозяйка А.М. Сурская из Перово¹⁰².

Такие жесты, как отмена комендантского часа на Пасху, не означали радикального изменения отношения к верующим. Они по-прежнему находились под подозрением. НКВД отслеживались, к примеру, «нелегальные моления» семи человек на Пасху в доме пенсионера Белова в селе Мягково Коломенского района, или освящение куличей у церковницы К.Е. Хохловой в деревне Козлово Малоярославецкого района¹⁰³. Член «группы по спецработе в Москве “Серафим”», видимо, «освещавший» верующих, доносил, что беспартийная Филина, ночной сторож цеха шапок меховой фабрики райпромтреста, «открыто высказывает свои религиозные антисоветские убеждения»¹⁰⁴. В ходе освобождения от оккупантов 27 районов Московской обл. зимой и весной 1942 г. в числе прочего «антисоветского элемента» НКВД были арестованы 10 «служителей религиозного культа», а в качестве «социально чуждого элемента» — 15 бывших «служителей религиозного культа» и 16 «детей служителей религиозного культа»¹⁰⁵.

⁹⁹ Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКР «Смерш»... С. 338, 574; Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. С. 180; Христофоров В.С. К истории церковно-государственных отношений в годы Великой Отечественной войны // Российская история. 2011. № 4. С. 173—174.

¹⁰⁰ Москва военная... С. 215—217.

¹⁰¹ Майнер С.М. Сталинская священная война... С. 118.

¹⁰² Москва военная... С. 216.

¹⁰³ Там же. С. 217.

¹⁰⁴ Там же. Информация от 13 апреля 1942 г.

¹⁰⁵ Госбезопасность в битве за Москву. Документы, рассекреченные ФСБ России / Отв. ред. В.С. Христофоров. М., 2015. С. 136—137.

Начавшееся с марта 1942 г. смягчение карательной политики вызвало протест немалого числа судебных работников, которых совсем недавно тот же ВС СССР ориентировал на её ужесточение. Заместитель председателя ВС РСФСР С.А. Пашутина критиковала ВС СССР за либеральное отношение к осуждённым, выразившееся в замене «в[ысшей] м[еры] н[аказания] лишением свободы лицам классово чуждым советской власти: б[ывшим] кулакам, белогвардейцам, служителям религиозного культа, немцам и лицам, неоднократно судившимся за контрреволюционные преступления»¹⁰⁶. Год спустя после начала войны одна из высших чиновниц в российской судебной иерархии не ведала о каком-либо изменении официальной политики в отношении «служителей культа». Очевидно, потому, что судебные органы никаких установок в этом отношении не получили.

Никакого влияния религии или религиозных институций в армии не допускалось. К примеру, военной цензурой Сталинградского фронта конфисковывались направленные на фронт «религиозные» письма наряду с «упадническими», способными вызвать «побуждение к дезертирству», передававшими «жалобы семей военнослужащих», «сообщения о результатах бомбёжек вражеской авиацией». Всё это рассматривалось как «отрицательные высказывания»¹⁰⁷.

Прихожанам Князь-Владимирского собора в Ленинграде не разрешили открыть и содержать свой лазарет, поскольку «подобная конкретная благотворительная деятельность осталась под запретом и после начала войны. Приходам позволяли перечислять деньги только в общие фонды: Красного Креста, обороны и т.п.»¹⁰⁸. Когда в апреле 1943 г. по предложению епископа Калужского Питирима (Свиридова) местные «церковники» приняли шефство над одним из госпиталей, это быстро вызвало соответствующую реакцию. Уже 12 мая заместитель наркома НКГБ Б.З. Кобулов докладывал А.С. Щербакову: «НКГБ СССР приняты меры к недопущению впредь попыток со стороны церковников входить в непосредственные сношения с командованием госпиталей и ранеными *под видом* (курсив мой. — О.Б.) шефства»¹⁰⁹.

Мало что изменилось и после «примирения» с Церковью в сентябре 1943 г. Капитан М.М. Коряков, военный корреспондент при штабе 6-й воздушной армии, 21 мая 1944 г. сообщил старосте церкви местечка на Волыни, в котором стояла редакция его газеты, о кончине патриарха Сергия. В тот же день в храме отслужили панихиду, а начальство обвинило Корякова в том, что он её заказал. В ходе проработки ему разъяснили «политику партии»: «Если мы сейчас даже с такой сволочью, как Черчилль, находимся в коалиции, то могли войти на время в соглашение и с попами... после войны мы сведём счёты и с поповской сволочью». В итоге офицер был отстранён от литературной работы как «идеологически чуждый человек» и отправлен в пехоту¹¹⁰.

Уменьшение масштабов и смягчение жестокости репрессий против «церковников и сектантов» не означало их прекращения. В 1942 г. были арестованы 1 106 человек. Следует учесть, что численность населения, оказавшегося на оккупированных территориях, в то время достигла своего максимума — приблизительно 68 млн человек. Не прекращались преследования даже в блокадном

¹⁰⁶ ГА РФ, ф. А-353, оп. 16, д. 72с, л. 5.

¹⁰⁷ Сталинградская эпопея. Документы, рассекреченные ФСБ России / Сост. А.Т. Жадобин, В.В. Марковчин, Ю.В. Сигачев. М., 2012. С. 162—163.

¹⁰⁸ *Шкаровский М.В.* Община Князь-Владимирского собора... С. 264—265.

¹⁰⁹ Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. С. 186.

¹¹⁰ *Коряков М.М.* Освобождение души. Нью-Йорк, 1952. С. 198—205.

Ленинграде. По данным Управления НКВД по Ленинградской области на 1 октября 1942 г., с начала войны в городе было «вскрыто и ликвидировано 625 контрреволюционных групп и формирований, из них 7 церковносектантских». Так, в июне—июле 1942 г. прошли аресты 18 членов нелегальной общины иосифлян во главе с архимандритом Клавдием (Савинским). 18 августа его казнили вместе с монахиней Евдокией (Дешкиной) и А.Ф. Чистяковым по приговору трибунала войск НКВД Ленинградского округа (остальные 15 подсудимых получили различные сроки заключения)¹¹¹.

В лагерях продолжалось истребление верующих женщин. Свердловский облсуд 4 июля 1942 г. приговорил к смертной казни Елену Стребкову, Марию Кузнецову, Анну Гаврилову и Дарью Назарову за то, что они «под прикрытием религиозных убеждений категорически отказались выходить на работу». Осуждённые не согласились не только подписать приговор, но и выслушать его. 14 сентября их расстреляли. 29 июля Карагандинский облсуд осудил Марию Быковскую, Агафью Буркину, Афимию Гудееву-Атапину, Елену Дуванскую за организацию «контрреволюционной группы», в которую они «вовлекали новых участников, проводя среди заключённых под видом религиозных собеседований антисоветскую агитацию». Все «агитаторы», трое из которых были неграмотными, а одна — малограмотной, были расстреляны 20 октября¹¹².

Верховный суд Мордовской АССР 20 июля вынес смертный приговор девяти женщинам — Акулине Бакуреевой, Анастасии Балахоновой, Матрёне Малышенковой, Фёкле, Ольге и Прасковье Минькиным, Василисе Огарёвой, Наталье Пакшиной, Раисе Старостиной, обвинив их по ст. 58-10 (ч. 2), 58-11 и 58-14. Председатель ВС РСФСР рекомендовал казнить только «организатора контрреволюционной группы» Пакшину, а остальным дать новые сроки заключения. Однако это вызвало протест заместителя председателя ВС СССР, не усмотревшего в деле каких-либо смягчающих обстоятельств. Возможно, сыграла роль бескомпромиссная позиция неграмотных или малограмотных крестьянок-единоличниц, не выразивших никакого раскаяния. Согласно выписке из дела, Пакшина заявила: «Я являюсь верующей в господа бога и подчиняюсь только власти господней, а не советской. Власть была, есть и будет господней, и она не изменится, изменяются только люди. Советскую власть я не признавала и не признаю, а следовательно, и ненавижу её, так как это власть несправедливая, в коллективном труде работать не желаю, советская власть настроила разные колхозы только для издевательства над народом и для того, чтобы морить народ с голоду». Все осуждённые были расстреляны 15 октября¹¹³.

В 1943 г. число репрессированных «церковников и сектантов» снизилось до 539, однако в статистике НКВД появились новые отдельные категории: «муссекты» и мусульманское (43), буддийское (9) и еврейское (2) духовенство¹¹⁴. Несомненно, снижение числа репрессированных было вызвано становившимся всё более очевидным поворотом в государственной политике. В январе 1943 г. Церкви впервые разрешили открыть счёт для сбора пожертвований на оборону страны, что фактически означало «дарование» ей статуса юридического лица. 4 сентября состоялась встреча И.В. Сталина и В.М. Молотова с митрополитами

¹¹¹ Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999. С. 288—289.

¹¹² ГА РФ, ф. Р-9474, оп. 27, д. 3347; д. 3467.

¹¹³ Там же, д. 3312, л. 1—14.

¹¹⁴ Мозохин О.Б. Право на репрессии... С. 493, 501.

Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем), во время которой иерархи узнали о радикальном изменении конфессиональной политики.

Однако с Церковью не примирились, ее использовали (прежде всего для достижения внешнеполитических целей)¹¹⁵. Курировал эту деятельность тот же полковник НКВД Г.Г. Карпов, только теперь он именовался председателем Совета по делам РПЦ при СНК. Показательно отношение к просьбе митрополита Сергия (вскоре ставшего патриархом) об амнистии арестованных иерархов. Речь об этом зашла во время встречи со Сталиным, предложившим Сергию передать Карпову список лиц, подлежащих освобождению. Он был составлен 28 октября и включал имена 26 архиереев, 25 из которых, чего не мог знать патриарх, были расстреляны ещё в 1937—1938 гг. В живых оставался только архиепископ Николай (Могилевский). Казалось бы, освободить архиерея, находившегося на положении «вольного ссыльного» в Казахстане, не составляло труда. Однако увидеть его на свободе патриарху не довелось: соответствующее решение Особого совещания НКВД последовало лишь 19 мая 1945 г.¹¹⁶

В НКВД по-прежнему считали «служителей культа» и верующих враждебными элементами. Продолжалась, как и до 1943 г., «агентурно-оперативная работа» по выявлению «антисоветского элемента среди церковников». УНКГБ по Ленинградской обл. докладывало, что во втором полугодии 1944 г. на «антисоветский элемент среди церковников в гор. Ленинграде заведено представляющее оперативный интерес агентурное дело “Теософы”», также осуществлялись мероприятия по агентурному делу «Иосифляне», были выявлены «отдельные факты вражеской работы антисоветского элемента из числа церковников и сектантов среди молодёжи»¹¹⁷. Шла «зачистка» от «ненадёжных элементов» освобождённых территорий. Поскольку сотрудничество с захватчиками носило массовый, но часто вынужденный характер, в 1942—1943 гг. прокуратура и ВС СССР приняли постановления, разъяснявшие, что не подлежат привлечению к уголовной ответственности специалисты, «занимавшиеся своей профессией»¹¹⁸. Практически все «занимавшиеся своей профессией» служители Церкви были вынуждены в той или иной форме взаимодействовать с оккупационными властями. Среди них были идейные коллаборационисты, и те, кто стремился максимально дистанцироваться от «политики», и патриоты, оказывавшие помощь партизанам¹¹⁹.

Немало священников ушли с оккупантами. Оставшиеся, независимо от своего поведения в период оккупации, оказывались в «зоне риска». В 1944—1945 гг. были арестованы и осуждены сотни служителей Церкви¹²⁰. Остановлюсь

¹¹⁵ *Васильева О.Ю.* Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943—1948 гг. М., 1999. С. 105—127; *Майнер С.М.* Сталинская священная война... С. 137—224, 349—356.

¹¹⁶ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. С. 78—79, 651; URL: http://www.pstbi.ccas.ru/bin/db.exe/%20spc_1_foto/ans/nm/?NYZ9EJxGHoxITcGZeuyPqJk9XAk**

¹¹⁷ *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада. С. 531.

¹¹⁸ *Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю.* Судебная власть в России. Т. V. М., 2003. С. 481—482, 495, 501—502.

¹¹⁹ *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада. С. 338, 417—431; *Ковалёв Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941—1944. М., 2004. С. 431—478.

¹²⁰ *Голицков А., свящ., Фомин С.* Кровью убежденные: мученики и исповедники Северо-Запада России и Прибалтики (1940—1955). М., 1999; *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада. С. 531—532; *Федчук А., прот.* Епископ Белгородский и Грайворонский Панкратий (Гладков) // Вестник церковной истории. 2018. № 1/2. С. 290; *Шкаровский М.В.* Община Князь-Владимирского собора... С. 265.

на весьма показательной судьбе трёх архиереев. Архиепископу Черниговскому Симону (Ивановскому) в сентябре 1943 г. удалось избежать принудительной эвакуации немцами. В ноябре его вызвали в Москву, включили в состав Священного Синода, 21 января 1944 г. он вернулся в Чернигов, где 29 января был арестован сотрудниками НКВД и этапирован в Киев. Ему припомнили участие в Белом движении — служение военным священником в армии барона П.Н. Врангеля и обвинили в произнесении проповедей антисоветского содержания во время оккупации. 25 октября архиерей был приговорён трибуналом войск НКВД Киевского военного округа к 10 годам лагерей¹²¹.

Епископа Таганрогского Иосифа (Чернова) отступавшие немцы эвакуировали в Умань. Там в ноябре 1943 г. за нежелание разорвать каноническую связь с Московской патриархией его арестовало гестапо, продержав в тюрьме до начала января 1944 г. После освобождения Умани архиерея воспринимали почти как героя сопротивления и даже пригласили вместе с местными интеллигентами на обед к председателю горсовета в честь знаменитого британского журналиста А. Верта, которого сопровождал Борис Полевой. Архиерей, провозгласивший «своим благородным баритоном» тост «за нашу защитницу и спасительницу Красную армию, очищающую от басурман святые православные земли», напомнил писателю «подгулявшего запорожца с репинской картины»¹²². Патриарх Сергей незадолго до смерти вызвал епископа в Москву, но по дороге 4 июня 1944 г. того задержали в Киеве и этапировали в Ростов-на-Дону. 19 февраля 1946 г. трибунал войск НКВД Северо-Кавказского военного округа приговорил его к 10 годам лагерей, обвинив в том, что в 1940 г. он организовал в Азове тайный монастырь «иоаннитов» (последователей секты почитателей преп. Иоанна Кронштадтского) и высказывался «в духе неизбежности изменения в СССР политического строя»¹²³.

Епископ Белгородский и Грайворонский Панкратий (Гладков) в декабре 1943 г. ездил в Москву по вызову патриарха, как будто планировавшего назначить его викарием Московской епархии. В январе 1944 г. он был арестован в Нежине и отправлен в Киев. После 15 допросов, «часть из которых были ночными, а другие продолжались, с некоторыми перерывами, более суток», владыка признался в сотрудничестве с СД и гестапо. Однако заседание трибунала по его делу, назначенное на 21 июля, не состоялось из-за отсутствия подсудимого, который почему-то в тюрьме «уже не содержался». По-видимому, он был не в том состоянии, чтобы его можно было «предъявить» судьям. Затем архиерея «нашли» и 4 октября трибунал войск НКВД Киевского военного округа, состоявшийся в закрытом режиме, без участия обвинения, защиты и вызова свидетелей, приговорил его к 15 годам заключения в лагерях. Приговор был предreshён и согласован с Особым совещанием в Москве. По воспоминаниям его знакомых, епископ ещё до отправки в лагерь умер в тюремной больнице¹²⁴.

Аресты архиепископа Симона (Ивановского) и епископа Панкратия (Гладкова) вскоре после поездок в Москву и встреч с патриархом, епископа Иосифа (Чернова), которому предстояло назначение на какую-нибудь кафедру (против

¹²¹ Куколевская В., Алексей (Иродов), свящ. Жизнь и служение архиепископа Винницкого и Брацлавского Симона (Ивановского) (1888—1966) (URL: https://web.archive.org/web/20110825095640/http://www.krest.vn.ua/gitija/Simon_Ivanovsk.php).

¹²² Полевой Б. Эти четыре года. Из записок военного корреспондента. Т. I. М., 1978. С. 571—573.

¹²³ Макарий (Веретенников), архим. Иосиф. С. 680—682.

¹²⁴ Федчук А., прот. Епископ Белгородский и Грайворонский Панкратий (Гладков). С. 300—303.

чего возражал уполномоченный по делам РПЦ), по дороге в столицу — трудно считать совпадением. Похоже, таким способом полковник Карпов проводил свою «кадровую политику»¹²⁵.

В 1945 г. численность арестованных, проходивших по статистике НКВД как «религиозный антисоветский элемент», достигла 1 961 человека, включая 921 «служителя культа». Больше всего среди них было «сектантов» (989), представителей православного (690) и католического (201) духовенства, мусульман и буддистов насчитывалось значительно меньше (74 и 7)¹²⁶. Репрессии против верующих не прекратились и после окончания войны, а соответствующая графа сохранялась в отчётах НКВД (какие бы названия ни носило это ведомство) по меньшей мере до 1953 г.

Настоящая статья, разумеется, не исчерпывает ни тему репрессий против верующих, ни тем более тему репрессий во время Великой Отечественной войны в целом. Дальнейшее изучение архивов судов разного уровня, прокуратуры, союзного и республиканских наркоматов юстиции позволит лучше понять характер и масштабы репрессий, а также выяснить судьбы многих их жертв.

Сталинизм остался сталинизмом, и никакие слова вождя о «братьях и сестрах» не свидетельствовали об изменении отношения власти к населению: социум по-прежнему управлялся в значительной степени путём применения насилия. Война стала стимулом проведения террористической кампании, она же являлась её ограничителем: невозможно было одновременно воевать с внешним противником и вести широкомасштабную кампанию против «внутренних врагов». Размах репрессий против верующих, как и степень их жестокости, существенно снизились в ходе войны, но никогда не прекращались.

¹²⁵ См.: Демидова Н.И. Кадровая политика Московской Патриархии и состав епископата Русской Православной Церкви в 1940—1952 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

¹²⁶ Мозохин О.Б. Право на репрессии... С. 520—521.